

А.Н. Хохлов

ЖУРНАЛИСТ И.С. ЛЕВИТОВ И ЕГО РЕПОРТАЖИ ИЗ ХАНОЯ В 1903 г.

В истории журналистики до 1917 г. можно найти немало славных имен талантливых беллетристов, прекрасно владевших пером при описании важнейших событий в жизни народов стран Востока. Среди них особое место занимают провинциальные журналисты, работавшие вне пределов российской столицы, но поддерживавшие с ней деловые и творческие связи, причем им иногда приходилось бывать в зарубежных странах. Из наиболее известных россиян-литераторов, проживавших в начале XX в. на Дальнем Востоке, помимо лиц, знакомых с восточными языками, можно в качестве примера выделить И.С. Левитова, сотрудника выходившей в Порт-Артуре газеты «Новый край», которая в первом своем номере 1900 г. заявила о том, что, «посвящая себя служению русским интересам на Дальнем Востоке, [она] будет служить выразительницею культурной миссии России в Восточной Азии»¹.

Илья Семенович Левитов родился в 1850 г. в местечке Алешки Таврической губернии². Высшее образование он получил в Новороссийском университете в 1870—1872 гг. с последующим заграничным обучением в Гейдельбергском университете. Здесь произошла его встреча с А.М. Сибиряковым, впоследствии владельцем крупной паровой компании в Западной Сибири, в которой И.С. Левитову довелось служить. Совершив в 1883 г. пу-

тешество по Волге и рекам Западной Сибири (вместе с пассажирами-переселенцами), он по горячим следам написал статью «От Москвы до Томска», вышедшую в свет в том же году в журнале «Русская мысль»³.

Востоковедная тематика в журналистской деятельности И.С. Левитова получила наиболее полное отражение в его многочисленных репортажах из Ханоя, где в 1902 г. открылась Международная промышленная выставка, в которой, помимо стран Юго-Восточной Азии, приняли активное участие Китай и Япония. В целях ее рекламы французские власти издали о ней специальную брошюру со множеством портретов и снимков, чтобы показать всему миру богатство и процветание Индокитая, находившегося под властью Франции. В русле крепнущих связей России с этой европейской державой написан приводимый ниже отзыв на эту брошюру в российской столичной газете:

«Внешние известия. Индо-Китай. В Ханое теперь, как известно, открыта выставка, над устройством которой много поработал бывший генерал-губернатор Индо-Китая Поль Думер, занимавший этот пост с 1896 по 1902 г.

В Париже только что вышла интересная брошюра, посвященная выставке в Ханое, в которой подробно говорится о задаче этой выставки и дается её подробное описание. «Индо-Китай, — читаем мы в этой брошюре, — должен стать не только благодаря всевозрастающему там потреблению, но также по своему географическому положению и политическому значению громадным рынком для французских продуктов на Дальнем Востоке. Для того чтобы помочь этому, по возможности приблизить это будущее и показать азиатскому миру богатство и могущество французского Индо-Китая, в Ханое и было решено устроить выставку. На ней экспонируются исключительно земледельческие и промышленные продукты, а также произведения искусства Франции и французских колоний, Индо-Китая и стран Дальнего Востока. Это ограничение указывает и на практическую цель, и на национальные интересы [Франции], которые эта выставка преследует.

Задачей выставки является также сближение потребителя и производителя Франции с потребителем и производителем

Азии, при желании показать всем процветание французского Индо-Китае, его средства, его экономическое развитие, его первые большие сооружения, как мост Думера и первые железнодорожные линии, построенные в далеких французских колониях.

Брошюра эта издана прекрасно ... и дает нам ясное представление об одной из интереснейших выставок»⁴.

Считая приведенный выше краткий отзыв столичной газеты недостаточным для публики, интересующейся положением в странах Восточной Азии, редакция «Нового края» с учетом удачных публикаций И.С. Левитова, нашедших отклик в российской прессе⁵, решила направить в г. Ханой своего журналиста для получения разносторонней и объективной информации о южном соседе китайской империи. Решение руководства редакции относительно заграничной командировки своего постоянного автора совпало с желанием последнего, что видно из корреспонденции И.С. Левитова «Дорожные заметки» (опубликованной в «Новом крае» 9 мая 1903 г.), где по этому поводу сказано:

«До выезда на выставку я составил себе понятие о французском Индо-Китае как французской колонии... Но за месяц или за два до моего выезда я совершенно случайно нашел в одном из номеров «Петербургских новостей» краткий отчет бывшего генерал-губернатора [Поля] Думера, который заставил меня глубоко задуматься. Отчет этот я в оригинале не читал, но и это извлечение [помещенное] в «Петербургских ведомостях», заставило меня усомниться в том [представлении], которое составилось у меня при чтении различных исследований об Индо-Китае.

Вот это — то последнее и побудило меня скорее выехать в Ханой, чтобы собственными глазами убедиться в верности ... переворота, совершившегося [в Индо-Китае] в какие-нибудь последние пять лет»⁶.

О начальном этапе путешествия И.С. Левитова в эту далекую страну уже позволяють судить его первые репортажи под общим названием «Дорожные заметки», служившие постоянным ориентиром для читателей «Нового края». Как изначально сложился маршрут журналиста, говорят его корреспонденции и, в частности, первая, отправленная им из китайского морского

порта Чифу (Янтай) и появившаяся в газете «Новый край» 22 января 1903 г.:

«14 декабря я, наконец, собрался выехать из Порт-Артура в Ханой. О [тамошней] выставке в иностранной печати Дальнего Востока говорилось очень мало. В последние дни появилась о ней только очень маленькая брошюра, которая, в сущности говоря, ничего не выяснила. Поэтому никто не мог составить представление о выставке, о которой парижская печать так сильно прогремела [своими публикациями]».

По прибытии в китайский порт Шанхай российский журналист пересел на японский пароход, чтобы далее следовать на юг Китая, где Цинская империя граничила с Аннамом. Последующие дорожные заметки И.С. Левитова интересны своими сведениями о его встречах с соотечественниками в Шанхае и его попутчиках, россиянах и японцах.

Вот что писал И.С. Левитов о своих первых впечатлениях по прибытии в Ханой и о территории выставки с размещением там национальных павильонов участвующих в ней стран:

«Ханой поражает иностранца ... своею чистотой, опрятностью и изящностью построек. Оставив вещи в гостинице «Hotel de la Paix», я немедленно отправился на выставку, находившуюся на бульваре Гамбетты. Мне хотелось в первый же вечер ... получить общее понятие о ней, чтобы на следующий день приступить к её изучению. Для этой цели путешественники [иностранцы гости] могли воспользоваться тремя слонами, которые ... доставляют пассажиров с одного места [выставки] на другое. С планом выставки я взобрался на одного из слонов...

Выставка воздвигнута на большой площади и имеет массу построек. Центральное здание — это дворец искусств, а по бокам примыкают к нему полукругом отдельные здания [павильоны], в которых представлены все части стран Дальнего Востока по [особым] отделам... Уже по первому объезду [выставочной территории] ... выяснилось, что главный представитель на выставке — Филиппины. Одних домиков, в которых живут филиппинцы на выставке, больше 30... Здесь вы находите и цирк, и петушиные бои, и производство сигар. С филиппинцами могут еще поспорить племена Индо-Китае, которые также живут на

выставке в отдельных домиках, доставленных сюда французским правительством. Переходя от одного домика к другому, вы знакомитесь с бытом, обстановкой и жизнью всех народов Индо-Китая, находящихся под протекторатом Франции... Китай и Япония занимают отдельные павильоны вблизи дворца и единственное производство, с которым вы можете познакомиться на выставке, это — *cloisonne* [вазы особого типа], которые делают тут же на выставке как китайцы, так и японцы. Сиа́м, Бирма и т. д. занимают отделы рядом с Филиппинами... Интересно то, что в «своем отделе» на выставке в Ханое Америка сумела показать свой колониальный товар в настоящем виде и [тем] привлечь внимание публики к своим островам [Филиппинам], чего ни одно другое государство не смогло сделать»⁷.

В течение 15 дней пребывания в Ханое И.С. Левитов внимательно ознакомился с экспонатами разных стран, представленных на выставке в специальных павильонах. Вот что писал российский журналист о своих ежедневных занятиях на Международной выставке:

«Мне доставляло большое удовольствие ежедневно гулять на выставке между павильонами, где обосновались находящиеся в них все народности, в том числе населяющие Филиппинские острова, разместившиеся в отдельных домиках, неподалеко от главного выставочного зала — Дворца искусств... Производство манильских сигар показывается на выставке в нескольких местах... [здесь же] и недешево продаются свежие сигары по 10 ц[ентов]. Эта высокая цена объясняется той высокой пошлиной, которую французское правительство взимает согласно своим установлениям об иностранных предметах ввоза. По этим сигарам [отчасти] можно проследить, какие высокие налоги французское правительство взимает в Индо-Китае и этим губит свои колонии, так как не дает свободно развиваться той деятельности, которая была бы возможна там, как и в английских колониях»⁸.

В своем общем обзоре выставки российский журналист прежде всего останавливает внимание на Аннаме как главном месте, где в различных павильонах выставлены изделия разных народностей, населяющих Индокитай, причем в первую очередь

знакомит своих будущих читателей с историей политических связей Франции с северной частью будущего Вьетнама. Это видно из следующего пассажа его корреспонденции:

«Если проследить историю развития Индо-Китая, то отметим следующее: с 1885 г. по 1897 г. протекторат Франции в Аннаме существовал только по имени, но не на деле. Только в 1897 г. генерал-губернатору удалось существенно изменить все условия [статуса] французского резидента и дать ему больше полномочий. Император Аннама *Than Thai*, которому исполнилось 20 лет, был объявлен совершеннолетним, и регент потерял свои права. При императоре был учрежден Тайный совет под председательством французского резидента в Хуэ, а указы, подписанные императором, стали действительными только с подписью французского генерал-губернатора».

Как отмечает И.С. Левитов, это была «очень тонкая политика Франции, так как для народа самое важное — подпись императора, хотя она не действительна без подписи генерал-губернатора».

Вполне понятно, почему и как французам удалось провести в Индокитае ряд реформ в финансовом управлении страной, что невозможно было провести в жизнь, как полагает журналист, до 1897 г.⁹

Интересные сведения приводит автор об экономическом положении основной массы сельского населения Аннама, с которым ему пришлось познакомиться путем опроса крестьян в окрестностях Ханоя:

«Они мне объяснили, что с 1897 г. с них стали брать увеличенные налоги, и теперь аннамитское правительство взимает 5 долл. с 50 кв. м рисового поля самого лучшего качества; 3 доллара с такого же поля 2-го класса и 1,5 доллара с поля 3-го класса... Кроме того, французы ввели, как и у нас при крепостном праве, барщину. Другими словами, каждый аннамит (а их около 20 млн) обязан в продолжении года отработать 30 дней барщины. [Помимо этого] французы взимают с каждого взрослого аннамита 2 доллара 4 или 3 цента в качестве налога, а с аннамита, не имеющего никакой собственности, — только 45 центов. С женщин и детей французы ничего не взимают.

Прежде до 1897 г. все доходы с аннамитов натурой получали мандарины, которых в течение пяти лет никто не контролировал. Ныне же все доходы идут в казну генерал-губернатора... теперь от барщины аннамит может откупиться, если внесет в казну генерал-губернатора по одному доллару в день. Но зато казна генерал-губернатора уже взяла на себя все расходы как по содержанию двора [правителя], так и равно всего аннамитского правительства».

Небезынтересны сведения, которые приводит И.С. Левитов о переменах в жизни французских колонистов в Индокитае в конце 1890-х годов. Он пишет:

«Французский колонист до 1897 г. не имел права покупки земли ... в собственность, а теперь он получил это право. До этого года французы имели только право аренды земли на 30 лет (как мы в Маньчжурии), а после этого срока французские колонисты могли быть лишены этой аренды и изгнаны [с земельного участка]. Теперь же французский колонист получил право покупать большие участки [в вечное владение]»¹⁰.

Весьма любопытны данные И.С. Левитова о состоянии промышленного производства в тогдашнем Аннаме, собранные россиянином на месте в ходе личного общения с носителями информации и знакомства с официальными документами:

«Что касается фабрично-заводской деятельности Индо-Китая, то в этом отношении французы пока не достигли особенного успеха, если сравнить его с успехом, достигнутым в этом отношении другими народами в каком-нибудь Шанхае, Гонконге и др. [местах]. На выставке экспонировали свои хлопчатобумажные произведения две фабрики... Одна фабрика в Ханое [под эгидой] общества «Societe Cottoniere de l'Indo-Chine» с капиталом в 2,5 млн франков, на ней действуют 20 тыс. веретен и занято работой 200 мужчин и 400 женщин. Фабрика ежедневно производит 10 кип по 400 фунтов № 20 пряжи.

В Ханое [же] находится вторая фабрика с 10 тыс. веретен... третья фабрика [функционирует] в Гайфонге [Хайфоне], которая продает кипу пряжи в 400 фунтов по 115 долларов».

Что касается угольных копей, то главные копи, разрабатываемые в Тонкине, находились в Гонгае [Хонгае] (Hong Gay

Mines). Характерная особенность тонкинского угля, по словам Левитова, заключалась в том, что он один не мог идти в дело, а использовался в смеси с японским углем. Французы употребляли его на тонкинских железных дорогах в виде брикетов.

Весьма ценно личное свидетельство журналиста об открытом способе разработки месторождения угля:

«Я в первый раз вижу такую разработку угля, т. к. она происходит открытыми разрезами вблизи Гайфонга [Хайфона]». В последнее время отпуск этого угля, по его словам, стал уменьшаться. Так, в 1898 г. было добыто более 310 тыс. т, тогда как в 1899 г. — только 229 тыс. т... На выставке в Ханое демонстрировались французами все эти разрезы, как и качество угля и формы брикетов»¹¹.

Интересны наблюдения и прогнозы российского журналиста, касающиеся характера и перспектив развития традиционной отрасли местной промышленности Аннама, связанной с производством и экспортом циновок:

«На выставке была масса аннамитских станков, на которых выделывают ... циновки. Спору нет, что циновки хороши, интересны и, пожалуй, может быть, и лучше японских... Туземцы Тонкина отправляют эти циновки на продажу в Гонконг и так далее, но производство [их] само по себе невелико... Очень может быть, что Индо-Китай ввиду прекрасного качества материала для этих циновок станет вывозить их отсюда на несколько миллионов франков»¹².

Особое внимание И.С. Левитова привлек традиционный способ изготовления бумаги, распространенный среди местных крестьян. Вот что он пишет:

«На выставке мне [удалось] выяснить, что бумажное производство было давным-давно известно в Китае, и по китайским преданиям оно открыто в 114 г. после Р.Х. ...китайцам это производство было известно в глубокой древности и в этом отношении они опередили европейцев на несколько столетий... Особенное свойство китайской бумаги заключается в том, что писать на ней можно только на одной стороне... тушью и кисточкой. На выставке, в китайском отделе, можно было видеть различные фантастические вещи, сделанные из этой бума-

ги, начиная с громадных китайских фонарей и кончая чудными бумажными цветами из Амоя [г. Сямынь].

Ближе познакомиться с этим производством на выставке я не смог... Но мне посоветовали для этого выехать из Ханоя в ближайшую аннамитскую деревню, куда ходит трамвай... Она [неслучайно] называется “бумажной деревней”.

Целая толпа аннамитских мальчиков (около 50 чел.) встретила меня при выходе из вагона и [они] ... повели меня по деревне...

Бумажное производство, с которым каждый путешественник [иностранец] может легко познакомиться в “бумажной деревне”, осуществляется в грандиозных размерах не только в провинции... Простота и дешевизна этого производства в Китае и Индо-Китае поразительны. Я никак не мог представить себе, что простая деревенская баба [крестьянка] могла одна произвести всю ... операцию. Вместо наших тряпок они [аннамитки] употребляют здесь особый вид дерева [указан на латыни]. Для устройства же фабрики необходимо только наличие воды. Раз этот фактор наличен, то для основания фабрики только требуется ... каких-нибудь 40 или 50 руб. на устройство бассейна, в который кладут размельченное и размягченное волокно указанного вида дерева. Его деревянные волокна остаются в воде несколько дней и потом простая крестьянка вылавливает их с помощью особо устроенного решета, в которое волокна ложатся тонким и ровным слоем [в виде] обыкновенного формата листа писчей бумаги. Она складывает один [лист] за другим в отдельную книгу. Тогда остается только просушка бумажных листов, для чего устроена посредине комнаты длинная простая печь [в форме] усеченной пирамиды. Бумажные листы наклеивают по сторонам этой печки для просушки. При мне женщина приготовила целую сотню листов в полчаса. Таким [же] образом этот процесс происходит и во всех домах этой деревни. Каждый дом “бумажной деревни” как бы представляет собою отдельную самостоятельную фабрику». «Так дешево производить бумагу, — делает вывод журналист, — европейцы не могут, несмотря на свои знаменитые машины»¹³.

Особого внимания заслуживают сведения И.С. Левитова о китайцах в Аннаме и, в частности, о политике французских колониальных властей в отношении их паспортизации, а также взимания с них налогов в случае возникновения их торговли на территории Индокитая. Как полагает журналист, ежегодный приток китайских иммигрантов в Индокитай составлял не более 20 тыс. человек. Так, в 1900 г. их было 19 690 человек в возрасте от 19 до 55 лет, а выехало отсюда в том же году 17 886 человек.

По приезду в Индокитай китаец должен был уплатить пошлину за свою регистрацию в размере, определяемом по его принадлежности к той или иной категории. Китаец 1-й категории (или класса) платил 200 долл., 2-й категории — 100, 3-й категории — 50, 4-й — 20 и 5-й — 10 долл. Китаец вне указанной категории должен был уплатить 400 долл. Выдаваемый ему паспорт при въезде в Индокитай стоил 16,5 долл.

В главных портах Индокитая существовали особые бюро, которые занимались регистрацией приезжающих и выезжающих мигрантов. Сходя с парохода, китаец был обязан пройти оформление в этих заведениях, где его фотографировали и предлагали оставить на особом документе отпечаток своей руки. По фотографии и этому отпечатку полиция могла легко найти разыскиваемого китайца. Несмотря на указанные выше стеснительные условия жизни, число китайцев-иммигрантов в Индокитае было больше, чем в Северной Америке.

Чтобы представить налоговое бремя китайцев-торгащей, достаточно ознакомиться с налогами и пошлинами, установленными французским правительством на ввозимые ими товары. Так, за 100 кг птичьих гнезд казной взималось 100 франков. За такой же вес китайской вермишели взимали 10 франков, а за чай — 50. За шелковую ткань брали от 500 до 800 франков и т. д. За вино домашнего приготовления аннамиты платили 25 центов за литр, а за местный рисовый алкоголь — два франка 50 центов.

Огромный доход получало французское правительство от продажи китайцам опиума. В Кохинхине и Камбодже, где проживала большая часть китайской эмиграции, количество выкуренного ею опиума составляло 60 т.

Цена опиума, передаваемого французскими властями мелким торговцам для продажи вразнос, составляла 56 долл. за 1 кг. С 1 января 1901 г. французская таможня стала продавать опиум, полученный из китайской пров. Юннань, по 54 долл. Весьма примечательно замечание И.С. Левитова по поводу распространившейся на Дальнем Востоке практики продажи китайцам упомянутого наркотика:

«За исключением России, я даже не знаю какую-нибудь [другую] державу на Дальнем Востоке, которая бы не продавала опиума китайцам в своих колониях»¹⁴.

Чтобы представить масштаб финансового переворота, осуществленного в Индокитае администрацией Думера, достаточно обратиться к официальным сведениям, которыми охотно пользовался российский журналист, как это видно из приводимой ниже 26-й корреспонденции:

«Индокитай, по отчету Думеру, был в чрезвычайно затруднительном финансовом положении еще в 1895 г., но со следующего же года доходы стали превышать расходы... До 1897 г. ... государственное казначейство Франции ежегодно выплачивало большую сумму денег на управление Индокитаем... Потому 1897 год такой знаменитый, что сразу произвел переворот в финансах Индокитая, [который] вдруг с 1897 г. стал платить 14 млн. Франции в виде военных расходов, [строить] громадные сооружения за свой счет и имеет в своей кассе одних сбережений около 20 млн франков»¹⁵.

Хотя в течение 90-х годов XIX в. в правительственных и парламентских кругах Франции не раз возникала идея оставить Тонкин (Северный Вьетнам) ввиду его убыточности для государственной казны, колониальные власти Индокитая продолжали придерживаться протекционистской политики. Это видно хотя бы из того, что с каждого прибывающего сюда парохода (вместимостью в 670 т) брали в виде портовой пошлины в Ньюкастле 40 руб., в Нагасаки 70, в Иокогаме 50, в Гонконге 4, а в Хайфонге, главном порте Тонкина, 302 руб. (!) Кроме того, владелец парохода обязан был заплатить немного меньше 1,5 руб. «береговых» за каждую тонну, или в среднем более 750 руб. за груз в 670 т. Чтобы помешать иностранцам развивать собственную тор-

говлю во французской колонии, были установлены для них высокие налоги, особенно для китайцев и других представителей азиатских стран. Кроме *impôt patents*, налагаемого на каждого азиата в размере от 7 до 80 долл., они обязаны были платить *impôt personale* в размере от 2 до 400 долл. в зависимости от размера его лавки, на которую он брал патент. Один из путешественников (Д.В. Норманн), объехавший Тонкин в 1890-х годах, называл сборщиков налогов «пиявками», сосавшими кровь не только из приезжих торговцев, но и местных колонистов¹⁶.

Передав одну часть земель колонистам, а другую аннамитами, в Кохинхине, колониальные власти установили для последних более высокие налоги, при этом владельцам мельниц по очистке риса были предоставлены льготы. Согласно льготному тарифу, действовавшему в Сайгоне, при вывозе очищенного риса с каждой сотни килограммов взималось 76 центов с предоставлением льгот, если этот товар отправлялся в Японию, Филиппины и на Яву (в размере 32 центов за 100 кг). Если же рис уходил из Сайгона во Францию или ее колонии, то взималось гораздо меньше. Так, за рисовую муку уплачивалась пошлина в размере 5 центов за каждую сотню килограммов, тогда как за неочищенный рис следовало уплатить таможне 12 центов за вышеуказанный вес. Согласно данным, приводимым И.С. Левитовым, в 1900 г. из Сайгона было вывезено 607 800 т риса на 32,5 млн долл. Следует заметить, что г. Дальний на Ляодунском полуострове в это время ежегодно получал из Сайгона около 100 тыс. пудов риса¹⁷.

Немало удивил российского журналиста оригинальный внешний вид аннамитского воина, удостоившегося такого описания:

«На голове у аннамитского солдата вместо шапки круглая выкрашенная дощечка, которая защищает его от солнечных лучей. Он одет в синюю или красную куртку и ходит всегда босиком»¹⁸.

Не остались без внимания россиянина-журналиста местные женщины, с которыми он имел возможность познакомиться не только в «бумажной» деревне, расположенной в окрестностях Ханоя, но и в городе, в частности на театрализованном пред-

ставлении, устроенном для приехавших на международную выставку иностранных гостей. Для знакомства с искусством народов Юго-Восточной Азии приведем ниже два пассажа из корреспонденции Левитова, появившейся в «Новом крае» 6 мая 1903 г. В первом отрывке находим следующее описание местных танцев:

«Пляска аннамиток длилась тоже (как и филиппинок. — *Прим. авт.*) не более 7 минут. Они — невысокого роста, одеты в особенные черные балахоны. Головы у них обвязаны черным шарфом в виде турецкой чалмы... Чтобы сразу заметить национальную особенность этого народа, вам стоит только прямо войти в толпу и вы обнаружите ту индифферентность, с которой они относятся вообще к европейцам... Стоит, однако, вам войти в толпу китайцев, вы увидите, с каким наслаждением, а порой назойливостью китаец ... смотрит на вас... Отличие между аннамитами и китайцами, резко бросающееся в глаза, состоит в том, что первые живут чище, хотя постоянно жуют бетель (растение ... больше грецкого ореха)»¹⁹.

Для сравнения манеры исполнения танцев аннамитами с аналогичным искусством других народов Индокитая можно обратиться к новому пассажи вышеупомянутой корреспонденции известного журналиста, который уверенно заявляет:

«В пляске лаосцев слишком много естественности: лаосцы еще не признают [необходимости] костюма и вследствие этого не стесняются показывать публике все свои естественные красоты. Танец лаосцев нельзя было бы показать русской публике — пред русскими женщинами, т. к. последние ушли бы из зала. Я нарочно всматривался в глаза присутствовавших французов, но они при этом не краснели; они только улыбались»²⁰.

Весьма впечатляет и сравнение И.С. Левитовым местных французов с коренными женщинами Аннама, некоторые из последних, по словам журналиста, не уступали первым в красоте.

Особенно примечательны материалы И.С. Левитова о распространении среди коренного городского населения Аннама французского языка, о чем можно судить по его следующему за-

ключению: «Французский язык сильно распространен между аннамитами, и я нигде на Дальнем Востоке не встречал, даже в английских колониях, туземцев, говорящих так хорошо по-английски, как говорят аннамиты по-французски...

Даже в Шанхае вы с трудом встретите какого-нибудь китайца, говорящего хорошо по-английски. А если и встретите такого китайца, то он непременно говорит [на] пиджин-инглиш, и вы его все равно не поймете, тогда как аннамит и аннамитки говорят на чисто французском языке»²¹.

Аналогичную мысль высказывал российский журналист и в другой корреспонденции, где сказано:

«Ни в одной из европейских колоний Дальнего Востока я не встречал туземцев, т. е. представителей желтой расы, которые говорили бы так хорошо на языке своих победителей, как аннамиты в Индо-Китае на французском...

Китайцы, например, говорят в английских колониях на каком-то ломаном языке (пиджин-english), тогда как аннамиты говорят на чисто французском языке. Происходит это потому, что Франция очень заботливо относится не только к распространению просвещения между побежденными расами, но и распространению французского языка...

Я душевно радовался, как веселые аннамитские мальчишки так бегло болтают на чужом языке. С каким искусством взаимного обучения учителя учат аннамитов французскому языку, а сами изучают при этом аннамский. Почти все учителя-французы прекрасно говорят по-аннамски»²².

Убедительным, хотя и критическим, выглядит общий вывод автора «Дорожных заметок» об увиденном и услышанном в Ханое в мае 1903 г.:

«Выставка Министерства народного просвещения делает честь Франции: так просвещать туземцев едва ли какая-нибудь европейская держава в состоянии на Дальнем Востоке...

Ни в каких европейских колониях я не встречал такой заботливости правительства о просвещении народа, как это делает Франция в своем Индо-Китае, но, с другой стороны, я, однако, нигде в иностранных колониях не встречал таких налогов, как в

том же Индо-Китае. Из безответного народа [французские колонизаторы] выжимают всё, что хотите»²³.

Как видим, автор «Дорожных заметок» о тогдашнем Аннаме не обошелся без ложки дегтя в бочке меда.

Примечания

¹ Деятель (Казань) // № 1 (1 января 1900 г.).

² См.: Венгеров С.А. Источники словаря русских писателей. Т. III. Карамышев—Ломоносов. Петроград, 1914. С. 417.

³ История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях // Т. 3. Ч. 1. 1857—1894. М., 1977. С. 117.

⁴ С.-Петербургские ведомости // № 263 (26 сентября / 9 октября 1902 г.). С. 3.

⁵ В качестве примера положительного отклика на публикации И.С. Левитова можно привести такое суждение известной столичной газеты: «В Китае, переполненном людьми, рыба очень дешева и не исчезает из китайских рек, как правильно отмечает г. Левитов в «Новом крае». См.: С.-Петербургские ведомости, № 249 (12/25 сентября 1902 г.). С. 2.

⁶ Левитов И. Дорожные заметки // Новый край, № 51 (9 мая 1903 г.). С. 2. Ознакомившись с отчетом генерал-губернатора Индокитая Думера по его изложению в «С.-Петербургских ведомостях», И.С. Левитов, в частности, отметил его личную поразительную активность в реализации различного рода европейских финансовых новшеств. Вот что он писал по этому поводу: «Отчет этот поражает, т.к. он указывает, что Индо-Китай за эти последние пять лет сделал такие громадные успехи, о которых никто не мечтал, ибо он так сильно увеличил государственный бюджет колонии, что мне не верилось [этому] сразу». См.: Новый край, № 51 (9 мая 1903 г.). С. 2.

⁷ Левитов И. Дорожные заметки. VIII // Новый край. № 21 (19 февраля 1903 г.). С. 2.

⁸ Новый край. № 24 (26 февраля 1903 г.).

⁹ Левитов И. Дорожные заметки. XXVI // Новый край. № 52 (11 мая 1903 г.). С. 3.

¹⁰ Там же.

¹¹ Левитов И. Дорожные заметки. XXVII // Новый край. № 54 (18 мая 1903 г.).

¹² Левитов И. Дорожные заметки. XXIX // Новый край. № 56 (23 мая 1903 г.). С. 2.

¹³ Левитов И. Дорожные заметки. XXIV // Новый край. № 35 (23 марта 1903 г.). С. 4.

¹⁴ Левитов И. Дорожные заметки. XXVIII // Новый край. № 55 (21 мая 1903 г.). С. 2.

¹⁵ Левитов И. Дорожные заметки. XXVI // Новый край. № 52 (11 мая 1903 г.). С. 3.

¹⁶ Левитов И. Дорожные заметки. XXV // Новый край. № 51 (9 мая 1903 г.).

¹⁷ Левитов И. Дорожные заметки XXVII // Новый край. № 54 (18 мая 1903 г.).

¹⁸ Левитов И. Дорожные заметки. XXIII // Новый край. № 48 (30 апреля 1903 г.).

¹⁹ Левитов И. Дорожные заметки. XXIV // Новый край (Среда, 6 мая 1903 г.). С. 1.

²⁰ Там же.

²¹ Левитов И. Дорожные заметки. XXIV // Новый край. № 35 (23 марта 1903 г.).

²² Левитов И. Дорожные заметки. XXX // Новый край. № 57 (25 мая 1903 г.). С. 4.

²³ Левитов И. Дорожные заметки. XXIX // Новый край. № 56 (23 марта 1903 г.). С. 2.